

И. Н. Гребенкин, М. Г. Загора

**ФИНЛЯНДСКИЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС В ОФИЦИАЛЬНОЙ
ИСТОРИИ И СВИДЕТЕЛЬСТВАХ СОВРЕМЕННОКОВ
(XIX – НАЧАЛО XX в.)¹**

Настоящее исследование обращается к истории малоизученного в отечественной историографии военного учебного заведения дореволюционной России – Финляндского кадетского корпуса. Положение Великого княжества Финляндского в имперском пространстве России, проблемы военных учебных заведений, изменения в их организации в связи с военными реформами являются контекстом данной статьи. Облик и история Финляндского кадетского корпуса представлены в государственно-институциональном и историко-антропологическом аспектах на основе документального исторического очерка и свидетельств его бывших воспитанников.

Ключевые слова: Финляндский кадетский корпус, Великое княжество Финляндское, военные учебные заведения, В. А. Альфтан, К. Г. Маннергейм, А. Ф. Редигер, И. А. Хольмсен.

DOI: 10.35634/2224-9443-2024-18-1-76-86

Пребывание Финляндии в составе Российской империи может считаться одним из наиболее самобытных явлений имперской политики России в XIX – начале XX веков. Процесс инкорпорации края в имперское пространство неоднократно привлекал и продолжает привлекать внимание исследователей [Похлебкин 1975, Юссила 2009, Бахтурина 2017, Колесников 2021, Загора 2020, Петухова 2022], отмечавших его сложный и противоречивый характер. Некоторые из его граней нашли своеобразное отражение в истории Финляндского кадетского корпуса – единственного российского военного учебного заведения, которое действовало на территории Великого княжества Финляндского (ВКФ) более 90 лет [наиболее полное и обстоятельное исследование, посвященное этому учебному заведению, было опубликовано в 2003 г. на финском языке: Screen 2003].

Финляндский кадетский корпус имел предшественником Военную школу, существовавшую в местечке Хапаниеми/Гапаниеми в южной Финляндии еще во времена шведского господства. После образования Великого княжества Финляндского в составе Российской империи в 1812 г. группа бывших шведских офицеров выступила с проектом создания в Гапаниеми Финляндского топографического корпуса, который был поддержан российскими властями.

Первоначально Корпус не являлся по существу учебным заведением, а имел целью топографическую съемку края для подготовки современного картографического материала. Решение этих задач, однако, потребовало дополнительного обучения как офицеров, так и младшего вспомогательного состава корпуса – кадет. В последующие годы, выполняя основные задачи, Корпус развивался именно как учебное заведение с трех-, а затем четырехклассным учебным курсом, прошедшие его кадеты производились в офицерские чины. Число воспитанников выросло и достигло 60 человек, что свидетельствовало о его признании местным дворянством. В 1819 г. Высочайшим повелением Топографический корпус был преобразован в Финляндский кадетский корпус с переводом в г. Фридрихсгам.

В течение всей своей истории Корпус в силу нахождения на территории Великого княжества Финляндского сохранял особое положение, которое можно рассматривать как привилегированное. В первой четверти XIX в. это было связано с отсутствием сложившейся системы военных учебных заведений и дефицитом офицерских кадров, получивших специальное обучение. Так, военнотопографическая подготовка кадет в Корпусе давала основания для их выпуска непосредственно в Свиту Его Императорского Величества по Квартирмейстерской части – структуру, исполнявшую функции службы Генерального штаба императорской армии. При этом Корпус находился в подчинении Генералквартирмейстера Главного Штаба, его финансирование происходило как за счет военного ведомства, так и из сумм, выделяемых властями Великого княжества Финляндского. Директор Корпуса пользовался особыми правами при подборе офицеров и преподавателей на штатные должности.

¹ Статья подготовлена при поддержке РНФ, проект № 23-28-00321

В эпоху царствования Николая I в России началось формирование единой системы военно-профессионального образования. Новый Устав и Положение о военно-учебных заведениях, принятые в 1830 г. были направлены на создание общих основ и порядка их функционирования. Эти нововведения не могли обойти стороной и Финляндский кадетский корпус, который предстояло приблизительно приравнять к российским военно-учебным заведениям 2-го разряда. Первые шаги к этому делались и ранее. Еще в 1826 г. был прекращен выпуск из Корпуса офицеров непосредственно в Квартирмейстерскую часть и, таким образом, отменена его заметная привилегия. С 1830 г. офицеры Корпуса были уравнены в правах по производству в чины с другими корпусами [Финляндский кадетский корпус ... 1889, 37–38]. И только в 1836 г. произошла окончательная передача Корпуса в подчинение Великому князю Михаилу Павловичу, ведавшего управлением военно-учебными заведениями империи.

Вместе с тем принадлежность Корпуса к Великому княжеству Финляндскому и особенности контингента кадет, основу которого составляли представители финско-шведского дворянства, диктовали его своеобразие на фоне прочих военно-учебных заведений. Финский шведоязычный историк Х. Мейнандер в своей монографии охарактеризовал его так: «Некий гибрид национального и общероссийского учебного заведения» [Мейнандер 2020, 24]. При наборе кадет преимущество отдавалось сыновьям военнослужащих и дворян из местных уроженцев с учетом происхождения, чина и звания родителей. Преподавание велось как на русском, так и шведском языках. Доля русского языка в учебных курсах увеличивалась постепенно – сначала он использовался только для преподавания военных, а затем политических (истории и географии) и некоторых естественных наук. Данное обстоятельство не являлось свидетельством «русификации» заведения. Инспектировавшие Корпус начальствующие лица в 1830-х гг. отмечали явно недостаточное знание русского языка воспитанниками, которым по окончании учебы предстояло получить права русской службы. Прохождение учебных курсов по установленным программам вообще представляло большую трудность для кадет того времени: обычным явлением было то, что от трети до половины воспитанников не выдерживали переводных экзаменов, оставаясь на второй год [Финляндский кадетский корпус ... 1889, 41, 56].

Сохранялись различия в положении офицеров Корпуса российского и финляндского происхождения, так как последние считались на финляндской военной службе и подчинялись воинским установлениям края. Директорами Корпуса, начиная с 1840-х гг., назначались исключительно его бывшие воспитанники. Их симпатии и пристрастия естественно сказывались на подборе персонала офицеров и преподавателей, в котором ведущую роль играли «финляндский» и «лютеранский» факторы.

Великие реформы Александра II положили начало фундаментальным переменам в облике империи. Одна из центральных реформ – Военная – самым серьезным образом затрагивала вопросы подготовки офицерских кадров и предусматривала коренную перестройку системы военно-учебных заведений. Важнейшим принципом преобразований стала отмена сословных ограничений при поступлении на учебу и службу.

В 1863 г. Высочайшим объявлением Великому княжеству Финляндскому были изложены основы нового положения о Финляндском кадетском корпусе. Отныне равные права на поступление имели молодые люди всех сословий и классов финляндского общества в возрасте 12–21 года, одновременно упразднялся начальный – подготовительный класс и устанавливалась плата за обучение в общих классах в 560 финских марок ежегодно (с 1860 г. наравне с российским металлическим рублем марка была официальной монетной единицей ВКФ. Марка была привязана к рублю в соотношении: 1 марка = ¼ рубля. Как указано в Высочайшем императорском постановлении «О металлической монете как единственной законно действительной в Финляндии» от 8 ноября 1865 г., финляндская «металлическая марковая монета» составляла «подразделение общей государственной монеты») [Сборник постановлений Великому Княжеству Финляндскому, 1–4]. При этом задачи Корпуса расширялись. Предполагалось, что воспитанники, окончившие общие классы, получали право поступления в университет, а окончившие полный курс Корпуса могли быть приняты в университет без экзаменов.

Подобные реформаторские нововведения оказались, по меньшей мере, непродуманными, так как основной контингент кадет составляли дети из небогатых дворянских и офицерских семей, для которых решающее значение имела возможность образования за государственный счет. В 1863–1864 гг. поступление новых кандидатов на учебу фактически прекратилось, поставив под вопрос дальнейшее существование Корпуса. Только в 1865 г. по ходатайству руководства Корпуса к властям Великому княжеству Финляндскому и в свою очередь к Управлению военно-учебными заведениями было восстановлено прежнее положение: подготовительный класс и обучение 40 воспитанников общих классов за казенный счет. Такое решение мотивировалось тем, что Корпус должен служить «по-

лезной и прочной связью между Россией и Княжеством» [Финляндский кадетский корпус ... 1889, 71]. Приток поступающих возобновился, но численность воспитанников вновь достигла штатной лишь к 1870 году. При этом менялся социальный облик кадет. Необратимо снижалась доля дворян: с 41 % в 1864 г. до 16 % к началу 1870-х гг., а представители низших классов составили 30 % от общего числа учащихся [Финляндский кадетский корпус ... 1889, 75].

По мысли Военного министра Д. А. Милютина, система военно-учебных заведений получала новую структуру. Кадетские корпуса предстояло разделить на учреждения общего образования – военные гимназии и военно-специальные – военные училища, дающие по окончании право на производство в офицерский чин. Эти преобразования были вызваны как потребностью качественной подготовки офицерских кадров, так и зачастую неудовлетворительным порядком в прежних кадетских корпусах. Данная реформа миновала только два учреждения: оставшийся исключительно привилегированным столичный Пажеский корпус, и Финляндский кадетский корпус, который сохранял особое положение среди военно-учебных заведений империи, что было закреплено новым положением 1865 г. [ПСЗРИ. Собрание 2. Т. XL. 1865. Отд. 1. СПб., 1867. № 41849; Отд. 2. СПб., 1867. Приложения. Штаты и таблицы. К № 41849.]. Как следствие, его не затронули новые программы и правила по воспитательной части, выработанные военно-учебным ведомством. В последующие годы Корпус продолжал жить по давно сложившимся традициям и канонам, не всегда отвечавшим требованиям времени.

Современные исследователи обращают внимание на проблемы и противоречия в образовательной и воспитательной работе военно-учебных заведений дореволюционной России [Гребенкин 2017, 149–159.]. В этом смысле Финляндский кадетский корпус являл собой яркий и самобытный пример, раскрыть который помогают свидетельства его бывших воспитанников, чья учеба в Корпусе пришлась на пореформенные десятилетия.

Во второй половине 1860-х гг. кадетом Корпуса был Александр Федорович Редигер – будущий Военный министр империи (1905–1909). Его отец, генерал-лейтенант Ф. Ф. Редигер в юности также закончил Корпус и, таким образом, судьба сыновей была предопределена семейной традицией.

Директором Корпуса в годы учебы А. Ф. Редигера был генерал-лейтенант Э. Г. (аф) Форселлес (Эдуард Густав / Эдуард Фёдорович), который занимал свой пост с 1863 по 1871 гг. Сам выпускник Финляндского корпуса, Форселлес в 1872 г. даже несколько месяцев исполнял обязанности Финляндского генерал-губернатора, а с 1885 по 1891 гг. официально был помощником его преемника Ф. Л. Гейдена [Загора 2020, 126.]. По всей видимости, военный опыт (Форселлес, как и многие российские офицеры его поколения, участвовал в военных действиях на Кавказе), исполнительность, дисциплина, а также управленческий навык стали факторами, которые определили его назначение на эту немаловажную должность в российской администрации в Гельсингфорсе.

В своих воспоминаниях, написанных им уже после отставки с поста Военного министра, А. Ф. Редигер отметил весьма своеобразный облик Финляндского кадетского корпуса – заведения, готовившего офицеров для российской армии: «Корпус был исключительно финляндский как по составу офицеров и кадет, так и по языку преподавания и учебным программам и, наконец, по всему своему духу! Начальствующие лица были все финляндцы; офицеры служили перед тем в русских войсках, но большей частью уже давно служили в Финляндии, поэтому выговор русского языка у них был неважный; едва ли большинство из них даже могли свободно изъясняться по-русски – для этого у них не было никакой практики, так как все разговоры велись по-шведски и лишь строевые команды произносились по-русски... Кадеты были сплошь финляндцы; в виде исключения среди них попадались мальчики, жившие до того с родителями в России. Как вообще в Финляндии, кадеты относились к России и ко всему русскому с презрением, как к чему-то варварскому, азиатскому» [Редигер 1999, 45–46].

Заслуживает внимания, что А. Ф. Редигер, как и многие его современники, понимал различия, существовавшие в обществе Великого княжества Финляндского. Так, он ни разу не назвал Корпус только «финским» или только «шведским». Равно и кадетов он не назвал «финнами» или «шведами». Он использовал корректные и «более вменяемые» слова «финляндский» и «финляндцы», что наиболее точно отражало текущую ситуацию, не сводя её исключительно к «этнической» составляющей.

В обстановке, описанной выше А. Ф. Редигером, настроением кадетского сообщества проникались даже те кадеты, которые родились в России и провели там многие годы. Например, военачальник Первой мировой войны, генерал Владимир Алексеевич Альфтан, чье детство прошло в Воронежской губернии, где его отец генерал-майор А. К. Альфтан командовал бригадой, стал воспитанником

Корпуса также по семейному почину в 1873 г. Вспоминая свои кадетские годы и свойственный им общественно-политический настрой, Альфтан писал: «Огромное влияние на нас имела газета “Helsingfors dagblad”, которую мы, кадеты, выписывали, и которая была для нас непререкаемым авторитетом. Что мы там вычитывали, то выдавалось затем за наше собственное мнение. Разбираться во всех политических и социальных вопросах мы, конечно, не были в состоянии» [Воспоминания генерала В. А. Альфтана ... Л. 27]. Действительно, выходящая с 1862 г. газета “Helsingfors Dagblad” («Гельсингфорский ежедневник») активно участвовала в политической и общественной жизни ВКФ того времени. Оценивая ее влияние, финский историк О. Юссила, называл ее «главным рупором либерализма» [Юссила 2009, 300]. Внимание российских властей газета привлекала тем, что регулярно перепечатывала статьи из шведских газет, с точки зрения сотрудников III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, зачастую «предосудительного содержания» [Загора 2020, 331].

Качество образования в Корпусе определял состав преподавателей, который целиком зависел от предпочтений Директора. В воспоминаниях бывших воспитанников сохранились весьма критические оценки педагогов. Вероятно, наиболее полные и беспристрастные свидетельства по этому поводу принадлежат В. А. Альфтани. «Учебная часть была отчасти поставлена очень хорошо, отчасти очень плохо, все в зависимости от учительского персонала». Представляя преподавательскую галерею Корпуса, Альфтан стремится дать им непредвзятую оценку: «Совершенно неудовлетворителен был преподаватель Сван, учитель шведского и финского языка и шведской литературы. Он нас фактически ничему не учил, и ничему не научил. Чрезвычайно плох был законоучитель пастор Рейнхольм, к тому же он совершенно не умел держать порядок в классе, и его урок превращался в какой-то балаган. К его урокам никто не готовился, и мы ничего не знали. Недурен был наш учитель истории Аминов, но прочных знаний нам не дал. Добросовестен и удовлетворителен был преподаватель зоологии, ботаники, физики и химии Зольман. Удовлетворителен был преподаватель французского языка Фавр и очень хорош преподаватель того же языка Флорель. Очень хорош был преподаватель математики [в младших классах] Куртен, но зато совершенно неудовлетворителен преподаватель математики в специальных классах ученый Неовиус, брат директора. Фрей был прекрасным преподавателем русского языка в 3-х младших классах, а Бротерус – весьма посредственен – на старших классах. Посредственным преподавателем фортификации и проекций был Ньоберг, и прекрасным преподавателем тактики, топографии и военной истории был Бокстрём. Следовательно, 3 преподавателя были совершенно неудовлетворительны, 3 удовлетворительны, а 3 – прекрасны и 3 – хороши» [Воспоминания генерала В. А. Альфтана ... Л. 29].

Весьма сурово отзываясь о своих педагогах и А. Ф. Редигер. «Преподаватели военных наук были какими-то вырожденками: тактику и артиллерию читал полковник Шульц, состоявший в должности преподавателя этих предметов в Финляндском корпусе с 1842 года! Он знал учебники наизусть, но зато не знал больше ничего из своих предметов. Фортификацию же с 1831 году читал полковник Капченков, лекции которого были сплошным балаганом. Если кадеты знали что-либо из военных предметов, то это было исключительно заслугой учебников, но отнюдь не учителей» [Редигер 1999, 45–46]. Свои успехи в учебе бывшие кадеты склонны были относить к собственному усердию и самодисциплине.

Другим ярким выпускником Корпуса был будущий известный российский военный дипломат, генерал-лейтенант И. А. Хольмсен. Молодой человек, будучи норвежцем по происхождению, сознательно избрал военную карьеру в России. «Поскольку мое желание стать офицером ясно определилось, отец, в конце концов, согласился, и было решено готовить меня к поступлению в Финляндский кадетский корпус» [Карелин, Рантала 2014, 70]. Именно в Корпусе, как пишут исследователи, Иоганес Хольмсен «и получил новое, русифицированное имя – Иван Алексеевич Хольмсен». В отличие от старших товарищей И. А. Хольмсен, обучавшийся в Корпусе в 80-е гг. XIX в., иначе вспоминал своих педагогов: «Преподаватели отличались высоким уровнем профессиональной подготовки, чутким и заинтересованным отношением к воспитанникам» [Карелин, Рантала 2014, 70–71].

Стиль воспитательной работы в Корпусе целиком был обусловлен сложившимся многолетним укладом и сохранением в рамках одного учреждения общих и специальных классов, формально разделявших воспитанников на «младших» и «старших». Официальная история Корпуса в качестве его выдающейся черты упоминает особое корпоративное самоуправление кадет – «Товарищество» – средство нравственного воздействия и присмотра, призванное сохранять в кадетской среде отношения взаимной ответственности и порядка [Финляндский кадетский корпус ... 1889, 98–99].

Х. Мейнандер упоминает, что «Каждый вновь зачисленный кадет обязывался служить старшему кадету, который, в свою очередь, обещал взять на себя роль его опекуна» [Мейнандер 2020, 25]. У одного из самых известных воспитанников Корпуса Карла Густава Маннергейма таковым был Эрнст Лефстрём [Мейнандер 2020, 25].

Несколько иначе смысл и причины существования корпоративного самоуправления раскрывает В. А. Альфтан: «Особенностью этого корпуса было то, что начальство в лице офицеров или учителей совершенно не входило в нашу внутреннюю жизнь и не касалось вовсе нашего воспитания. Воспитание лежало на обязанностях старших кадет, кадет специальных классов, т. е. кадет, которые сами нуждались в воспитании и были в весьма малой степени воспитаны». Альфтан пояснял: «Существовало так называемое “*Kamratskap*” [Товарищество – *швед.*] из кадет 2 и 3 специальных классов, судившее нас за наши поступки. Наказания состояли в выговоре, в стоянии перед койкой, лишении отпуска, даже в присуждении розог в исключительных случаях, в отлучении от товарищей и запрет общаться с ними некоторое время. Эта организация была узаконена начальством и признана им легальной. В общем, эта организация функционировала довольно удовлетворительно. Но престиж старших, своих ближайших начальников держался не авторитетом их знания, а тем, что они не удостаивали нас – малышей – разговорами и вообще общения с собою» [Воспоминания генерала В. А. Альфтана ... Л. 26].

Более сдержанно о том же свидетельствует и А. Ф. Редигер: «В Корпусе существовало негласно особое “Товарищество”, основанное там еще при моем отце. Собственно к Товариществу принадлежали только два старших специальных класса; члены его были обязаны следить за всеми младшими кадетами как в Корпусе, так и вне его, с правом делать им замечания, а о важных непорядках и проступках они обязаны были докладывать фельдфебелю, который, смотря по важности дела, созывал либо особый комитет из семи лиц, либо все товарищество... Товарищество существовало негласно, и о нем вообще не говорили; но все начальство Корпуса состояло из бывших кадет, знало про Товарищество и дорожило им» [Редигер 1999, 38–39].

Итоги «воинского» воспитания в Корпусе подвел В. А. Альфтан: «Прививать нам воинский дух никто и не пытался. О воинской дисциплине мы имели самое превратное представление, или вернее никакого представления не имели... В виду всего этого мы, кадеты, в своих восприятиях дисциплины ничем не отличались от недисциплинированных студентов, мы не были воодушевлены высокими воинскими идеалами, таковых у нас не было, и никто нам их не рисовал и не понуждал следовать им. Словом, военный корпус нас к военной службе не готовил...» [Воспоминания генерала В. А. Альфтана ... Л. 28].

И вновь на общем критическом фоне снисходительным выглядит мнение И. А. Хольмсена о том, что во главу угла «была поставлена воспитательная работа. Отношения кадетов строились на взаимовыручке и товариществе. Старшие курсы опекали младших. К решениям “суда чести” старшекурсников, вплоть до исключения нарушителей норм морали и дисциплины, прислушивалось корпусное начальство» [Карелин, Рантала 2014, 70].

В оценке дисциплинированности в кадетской среде авторы воспоминаний порой расходятся. Самые неприятные свидетельства вновь принадлежат В. А. Альфтани. «Весьма характерной чертой для Финляндского Корпуса было пьянство. Любовь к крепким напиткам – в натуре финляндцев. Начальство корпуса строго следило за этим пороком и жестоко наказывало провинившихся, но эти строгости ни малейшего влияния на сокращение пьянства не оказывали. Пили, будучи уволенными в отпуск, по субботам и воскресеньям, пили в самом корпусе во время кадетских вечеров или концертов... Между товарищами пьянство не порицалось, наоборот, скорее поощрялось. Наши же мальчишеские опыты в корпусе, часто повторяемые, имели следствием, что многие из кадет, затем, будучи офицерами, совершенно спивались и погибали» [Воспоминания генерала В. А. Альфтана ... Л. 28].

Вероятно, самый знаменитый кадет-финляндец барон Карл Густав Маннергейм утверждал в мемуарах, что для Корпуса характерны были усердный труд и железная дисциплина. Однако его собственная история подтверждает скорее обратное. В своих мемуарах Маннергейм сообщает, что к 19-ти годам, почти окончив курс общих классов Корпуса, он был отчислен за дисциплинарный проступок – самовольную отлучку [Маннергейм 1999, 9]. На самом деле нарушения дисциплины были вполне в духе юного Маннергейма. Еще в 1879 г. он был исключен за недопустимое поведение из престижного лицея в Гельсингфорсе. Причиной же отчисления из Корпуса весной 1886 г. стала переполнившая терпение начальства череда нарушений режима и устава. По словам историка Х. Мейндера, «эгоцентризм и своеволие» Маннергейма «наталкивались в кадетском корпусе на спартанскую

и жесткую военную дисциплину, на муштру и фрунт. В итоге он постоянно получал выговоры и наказания...» [Мейнандер 2020, 24]. Вместе с тем, замечено было жестокое отношение Маннергейма к младшим кадетам, которое допускалось в традициях «Товарищества». «Высокорослый и самоуверенный Маннергейм, кажется, преуспел в этих запретных играх и отныне часто использовал чуть ли не садистские приемы, чтобы держать своих коллег в ежовых рукавицах» [Мейнандер 2020, 24]. Таким образом, условия корпуса выявили особенности характера и индивидуальности молодого Маннергейма.

В 1885 г. пост директора Корпуса занял генерал-майор К. К. Энкель. Не склонный признавать авторитеты К. Г. Маннергейм отзывался о новом директоре очень сдержанно: «Когда в 1885 году на смену генералу Неовиусу пришел генерал Карл Энкель, крутой и строгий солдат, выслужившийся в штабе генерала Скобелева на турецкой войне, в корпусе повеяли ветры перемен. Кадетам пришлось познакомиться с новыми манерами обучения» [Маннергейм 1999, 9]. Взвзвись за укрепление дисциплины, новый директор широко применял в качестве дисциплинарной меры запрет на увольнения. Как вспоминал Маннергейм: «В результате я в течение двух месяцев не мог сделать и шага за пределы корпуса – причиной тому были небольшие прегрешения и нарушения распорядка, которые, по мнению современных педагогов, можно считать просто пустяками. Этот арест был для меня нетерпимым, и в один из пасхальных вечеров 1886 года я решил пренебречь запретом. Соорудив из своей военной формы очень правдоподобную, на мой взгляд, куклу, я уложил ее на койку и отправился в самоволку» [Маннергейм 1999, 9].

Исключение из Корпуса означало, что молодой человек не имел более права продолжить образование в другом учебном заведении Финляндии. Однако, начальство, несмотря на раскрытый обман, гуманно обошлось с нарушителем. «После голосования комитет решил обратиться к его опекунам, предложив подать прошение о добровольном отчислении Густава» [Мейнандер 2020, 28]. Такая мера спасла его «от волчьего билета».

Еще в 1878 г. в Финляндии был принят Устав о воинской повинности и количество финляндских воинских формирований значительно увеличилось. В дополнение к ранее существовавшему гвардейскому стрелковому батальону были созданы еще восемь стрелковых батальонов и позднее драгунский полк. Введение отдельного Устава для Финляндии вызвало сопротивление Военного министра Д. А. Милютина, а также споры и серьезное ведомственное столкновение с Финляндским генерал-губернатором Н. В. Адлербергом. Милютин полагал, что Адлерберг своими решениями, в каких-то случаях нерешительностью, не только не помогает реформированию военного дела, но и мешает ему. Н. В. Адлерберг – не самый известный представитель знатного и приближенного к императорскому дому рода, занявший свой пост в разгар «Великих реформ» и через короткое время после Польского восстания 1863–1864 гг., стоял на страже традиционного положения вещей, то есть сохранения привилегированного статуса ВКФ. В этих разногласиях на фоне преобразований в империи отчетливо прослеживается нарастающее несоответствие задач, которые ставили перед собой генерал-губернатор Великого княжества Финляндского, с одной стороны, и Военный министр – с другой. По существу же – они были различны [Загора 2020, 352].

Введение в ВКФ особого Устава о воинской повинности, требовало перемен в работе Финляндского кадетского корпуса во Фридрихсгаме. Шли дискуссии об обучении там финляндцев и правах выпускников поступать на российскую службу либо только в финляндские войска. Принципиальное решение этого вопроса постоянно откладывалось, и последовало лишь при новом императоре, новом Военном министре и новом генерал-губернаторе ВКФ [Screen 2010, 174–182].

Возможную реорганизацию кадетского корпуса во Фридрихсгаме в связи с введением всеобщей воинской повинности в Финляндии не обошла вниманием столичная петербургская пресса [Голос. 29 октября (10 ноября) 1879, 1]. Так, например, со ссылкой на «Helsingfors Dagblad» корреспонденты сообщали, что в корпусе предлагали упразднить три младших класса с тем, чтобы остались три специальных военных класса, и что существовала идея, чтобы теперь туда могли бы поступать те, кто закончил полный курс в классических и, преимущественно, в реальных гимназиях, или те, кто выдержал бы соответствующий приемный экзамен.

Теперь назначением кадетского корпуса становилась подготовка офицеров для финляндских войск. Однако, особенно честолюбивые юноши, мечтавшие о большой военной карьере, стремились перейти из старших специальных классов Корпуса в наиболее престижные военные учебные заведения в столице. Так, А. Ф. Редигер завершал образование в Пажеском корпусе, а В. А. Альфтан окончил Николаевское кавалерийское училище. Альфтан вспоминал по этому поводу: «Осенью 1879 года

поступил в Николаевское кавалерийское училище. В 1879 году я был в 1-м специальном классе, учился я недурно, но к корпусу я никогда не чувствовал привязанности. Безучастно-безразличное к себе отношение со стороны персонала учителей и офицеров, чувство ненависти к некоторым из них, все это создавало атмосферу не из особенно приятных. Это и было причиной, что моему брату Александру скоро удалось уговорить меня перейти в Николаевское кавалерийское училище» [Воспоминания генерала В. А. Альфтана ... Л. 33–34]. Решение В. А. Альфтана и сложившееся мнение о Корпусе определенно было продиктовано личными причинами, которые не сгладились с годами: «Я не могу забыть трех великих гадостей, сделанных по отношению меня лично корпусным начальством. Я без малейшего сожаления простился с корпусом и даже теперь не с особо хорошими чувствами вспоминаю его» [Воспоминания генерала В. А. Альфтана ... Л. 35].

Николаевское кавалерийское училище окончил и К. Г. Маннергейм. Его биограф Х. Мейнандер полагает, что даже после отчисления из Корпуса и 16 месяцев гражданской жизни Маннергейм не расстался с мыслью продолжить свою военную карьеру в России. «Следуя советам знакомых своего дяди из среды русских военных, Маннергейм решил поступать в Николаевское кавалерийское училище... И это даже несмотря на то, что во время подготовки к экзаменам он следил за политическими дебатами в Гельсингфорсе и отмечал: круги, к которым он принадлежит, все более критически относятся к России и к ее представителям в Финляндии» [Мейнандер 2020, 29–30]. Сам Маннергейм так писал о своем решении: «Хотя я тогда и не понимал этого, но предпринятый мною шаг стал решающим для моего будущего: я вырвался из круга тесных родственных связей и получил возможность сделать карьеру в других, более благоприятных условиях» [Маннергейм 1999, 10].

Действительно выдающимся кадетом среди своих товарищей по Корпусу был И. А. Хольмсен. Окончив полный курс Корпуса, он стал первым в выпуске 1886 г., и его имя было занесено на мраморную доску [Каширин 2014, 94]. Как преуспевший в науках и дисциплине молодой офицер имел право определить будущее место службы и, воспользовавшись единственной полагавшейся на выпуск вакансией, выбрал старейший в российской лейб-гвардии Семеновский полк.

* * *

Несмотря на долгую историю и сложившиеся традиции, в конце XIX в. Финляндский кадетский корпус испытывал серьезные проблемы. Содержание заведения дорого обходилось военному ведомству при невысокой его результативности. Полный курс Корпуса в течение всех лет его работы оканчивало лишь немногим более половины от числа поступивших воспитанников, поэтому средства, выделяемые на подготовку будущих офицеров, расходовались не вполне эффективно [Финляндский кадетский корпус ... 1889, 101]. Причины тому обнаруживаются не столько внутри самого учебного заведения, сколько в состоянии и настроениях финляндского общества. Для местных образованных кругов военная служба в императорской армии и даже финляндских частях не казалась престижным и перспективным занятием. В первую очередь Корпус привлекал их возможностью бесплатного общего образования детей в условиях пансиона.

То, что Корпус продолжал работу до 1903 г. было следствием благополучного стечения обстоятельств. Во времена генерал-губернатора Н. В. Адлерберга, создание новых учебных заведений для русских сопровождалось закрытием ряда учебных заведений для собственно финляндцев. После долгих дебатов, вызванных изменениями военной системы в ВКФ, в 1879 г. было упразднено Гельсингфорское юнкерское пехотное училище. Британский историк Дж. Скрин, подробно анализировавший его историю как отдельный сюжет в «российско-финляндских» отношениях, пришел к выводу, что ключевую роль в закрытии школы сыграли как соображения местных властей, так и настроения финляндского общества. Училище и Корпус имели перед собой общие по существу задачи – подготовку офицеров преимущественно для финляндских войск и сталкивались при этом с одинаковыми проблемами. Основная трудность состояла в привлечении финляндской молодежи для обучения на русском языке с перспективой дальнейшей службы в императорской армии. В итоге было принято решение сохранить Финляндский кадетский корпус как более обещающее с точки зрения этих задач учебное заведение.

Говоря о языковой ситуации в Корпусе на рубеже веков, следует отметить, что русский язык, на котором велось преподавание в старших специальных классах, для большинства финляндцев оставался чужим, что составляло дополнительные трудности для завершения курса. В связи с этим, стремясь обеспечить более надежный контингент учащихся, новый директор генерал-майор К. К. Энкель в 1887 г. настоял на изменениях в положении о Корпусе. Например, право обучаться на казенный счет имели только дети офицеров, чиновников, священнослужителей и потомственных дворян Вели-

кого княжества Финляндского. Энкель занимал свой пост длительный срок, с 1885 по 1903 гг. и стал последним директором Корпуса.

Финал Финляндского кадетского корпуса оказался непосредственно связан с политическими событиями вокруг Великого княжества на рубеже XIX–XX веков. С 1898 по 1904 гг. генерал-губернатором Великого княжества Финляндского являлся Н. И. Бобриков. Он стал единственным генерал-губернатором края, погибшим в результате покушения. Террористические акты, несмотря на неединичные их случаи в собственно Российской империи, были для ВКФ явлениями одиозными и потрясавшими общественность. В первую очередь, Бобриков стал известен своими энергичными действиями, направленными на установление более тесной связи «финляндской окраины» и «центра», что нередко называется исследователями «русификацией», а некоторыми финскими историками «годами угнетения» Финляндии.

Мероприятия имперских властей в отношении Финляндии на рубеже XIX–XX вв., неверно было бы рассматривать лишь как проявление жесткого консервативного курса в первые годы правления Николая II. В условиях модернизации страны изменялись задачи имперского центра на национальных территориях. Если в самом начале российского управления в Финляндии его укрепление достигалось завоеванием симпатий населения и лояльности элит, то спустя почти сто лет оно требовало более сложных и системных действий в экономической, социальной, оборонной сферах. Не следует также упускать из внимания, что в течение всего XIX в. меры центральных властей по интеграции Финляндии в имперское пространство не отличались последовательностью, а главное настойчивостью.

В Петербурге озабоченность вызывала слишком заметная автономия и признаки изолированности Финляндии от политического центра. Приступая к деятельности на посту Финляндского генерал-губернатора, Н. И. Бобриков заявил о необходимости ревизии в Великом княжестве по образцу ревизии сенатора Н. А. Манасеина 1882–1883 гг. в Остзейском крае. В представленной им программе говорилось: «Не выжидая, однако же, результатов такой ревизии, можно было бы ограничить финляндский сепаратизм, произведя: 1. объединение армии, с уравнением повинности и средств на её содержание. Преобразование кадетского корпуса в русском духе. Учредить в Гельсингфорсе общее офицерское собрание для русских и финских войск...» [Юссила 2009, 648]. Таким образом, военные преобразования и связанная с ними реорганизация Финляндского кадетского корпуса виделась Н. И. Бобрикову одной из первостепенных задач.

В правящих кругах сложилось представление о Корпусе как сепаратистском и даже русофобском по духу. Еще осенью 1897 г. Военный министр П. С. Ванновский предлагал императору провести глубокую реформу Корпуса. На том этапе его защитниками выступили ведомство Главного начальника военно-учебных заведений Великого князя Константина Константиновича и министр-секретарь ВКФ В. К. фон Плеве, полагавшие, что при умеренной реформе Корпус со временем мог выпускать подходящих, с российской точки зрения, воспитанников не только для армии, но и для занятия гражданских должностей в Великом Княжестве. Сам генерал-губернатор Н. И. Бобриков высказывался о Финляндском кадетском корпусе в том духе, что он «воспитывал действительно хороших офицеров, служивших в России, как правило, безупречно. Но оставшиеся в Финляндии или вернувшиеся туда выпускники корпуса сразу же попадали в сферу влияния местных политиканов» [Полвинен 1997, 118].

Окончательному упразднению Корпуса предшествовала попытка его коренного преобразования. 6 августа 1902 г. вышло Высочайше утвержденное положение Военного Совета «О преобразовании Финляндского Кадетского Корпуса». В соответствии с ним в Корпусе закрывались специальные классы, и он окончательно приводился в соответствие с прочими российскими кадетскими корпусами, готовившими воспитанников к поступлению в военные училища [ПСЗРИ. Собрание 3. Т. XXII. Отд I. СПб., 1904. № 29936. С. 817]. Тем не менее, объявленная реорганизация Корпуса не была завершена. Упразднение в 1901 г. отдельных финских войск, организованных по реформе 1878 г. в Финляндии, привело к его закрытию в июле 1903 г. Точку в истории Финляндского кадетского корпуса поставило высочайшее повеление, объявленное Военным министром «О расформировании чинов и кадет» [ПСЗРИ. Собрание 3. Т. XXIII. Отд I. СПб., 1905. №. 23282. С. 848]. В 1908 г. некоторые бывшие кадеты основали Финляндский кадетский Клуб, который, как считается, передал дух и наследие Финляндского кадетского корпуса новой Кадетской школе, открывшейся в Хельсинки в 1919 г. после революции 1917 г. в России и гражданской войны в Финляндии 1918 г. [Kadettikunta / Finnish Cadet and Officer Corps Association].

ЛИТЕРАТУРА

- Бахтурина А. Ю.* Дискуссии об общегосударственном и местном законодательстве в отношении Великого княжества Финляндского (1908–1910 гг.) // Вестник РГГУ. 2017. № 8. С. 31–48.
- Воспоминания генерала В. А. Альфтана (1862–1931 гг.). Семейный архив Хенрика Альфтана (Хельсинки).
Голос. 29 октября (10 ноября) 1879 г. №299. С. 1
- Гребенкин А. Н.* Традиции организации учебно-воспитательной и культурно-досуговой работы в российских военно-учебных заведениях (XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 2017. 182 с.
- Загора М. Г.* Великое княжество Финляндское при генерал-губернаторе Н. В. Адлерберге (1866–1881). Дисс...к.и.н. М., 2020. 384 с.
- Карелин В., Рантала Ф.* Финляндия в жизни и судьбе генерала И. А. Хольмсена // Финляндия и Россия: Образы общего прошлого. Петрозаводск, 2014. С. 67–86.
- Каширин В. Б.* Дозорные на Балканах. Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2014. 629 с.
- Колесников Д. Е.* Становление фенноманского движения в Великом княжестве Финляндском (1810-е – начало 1860-х гг.). Дисс...к. и. н. М., 2021. 179 с.
- Мейнандер Х.* Густав Маннергейм. Аристократ в суконном мундире. М., 2020. 321 с.
- Маннергейм К. Г.* Мемуары. М., 1999. 507 с.
- Петухова А. П.* Русское национальное движение и финляндский вопрос во второй половине XIX – начале XX века. Дисс...к. и. н. М., 2022. 332 с.
- Полвинен Т.* Держава и окраина. Н. И. Бобриков – генерал-губернатор Финляндии, 1898–1904 гг. СПб., 1997. 318 с.
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание 2. Т. XL. 1865. Отд. 1. СПб., 1867. № 41849; Отд. 2. СПб., 1867. Приложения. Штаты и табели. К № 41849.
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание 3. Т. XXII. Отд. I. СПб., 1904. № 29936. С. 817.
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание 3. Т. XXIII. Отд. I. СПб., 1905. №. 23282. С. 848.
- Похлебкин В. В.* СССР–Финляндия. 260 лет отношений. 1713–1975. М., 1975. 408 с.
- Редигер А. Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 1. М., 1999. 574 с.
- Сборник постановлений Великого Княжества Финляндского. 1865. № 33. С. 1–4.
- Финляндский кадетский корпус. 1812–1887. Исторический очерк. Фридрихсгам, 1889. 130 с.
- Юссила О.* Великое княжество Финляндское 1809–1917. Хельсинки, 2009. 844 с.
- Kadettikunta / Finnish Cadet and Officer Corps Association [Финская Ассоциация кадетских и офицерских корпусов]. Электронный ресурс. URL: <https://kadettikunta.fi/kadettiupseeri/upseerikoulutuksen-historia/> (дата обращения 16.01.2024)
- Screen J. E. O.* Keisarillinen Suomen kadettikoulu 1812–1903 Haminan kadetit koulussa ja maailmalla. Helsinki, 2003. [Императорский Финляндский кадетский корпус 1812–1903. Кадеты из Хамины в школе и в мире]. 383 p.
- Screen J. E. O.* The Finnish Cadet Corps as a Reflection of Finno-Russian Relations [Финляндский кадетский корпус как отражение финляндско-русских отношений] // Suomi ja Venäjä 1808–1809: Suomalais-venäläisissä historian tutkijoiden symposiumeissa Moskovassa vuonna 2007 ja Hamimnassa vuonna 2009 pidetyt esitelmät. Toim. A. Sakharov, T. Vihavainen. Renvall Institute Publications. Helsinki, 2010. P. 174–182.

Поступила в редакцию 09.07.2023

Гребенкин Игорь Николаевич

доктор исторических наук, старший научный сотрудник
Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина
390000, Россия, г. Рязань, улица Свободы, 46
E-mail: grin17.66@mail.ru

Загора Марина Григорьевна

кандидат исторических наук, младший научный сотрудник
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
119991, Россия, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1
E-mail: zagora.m.g@hist.msu.ru

I. N. Grebenkin, M. G. Zagora

THE FINNISH CADET CORPS IN OFFICIAL HISTORY AND CONTEMPORARIES'
EVIDENCES (XIX – EARLY XX CENTURIES)²

DOI: 10.35634/2224-9443-2024-18-1-76-86

This study is devoted to the history of a military educational institution of pre-revolutionary Russia, little explored in Russian historiography, – the Finnish Cadet Corps. The position of the Grand Duchy of Finland in the imperial space of Russia, the problems of military educational institutions, as well as changes in their organization in connection with the military reforms are the context of this article. The appearance and history of the Finnish Cadet Corps are presented in state-institutional and historical-anthropological aspects based on a documentary historical sketch and evidences of the Cadet Corps' former students.

Keywords: Finnish Cadet Corps, Grand Duchy of Finland, Military Educational Institutions, V. A. Alftan, C. G. Mannerheim, A. F. Roediger, I. A. Holmsen.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2024, vol. 18, issue 1, pp. 76–86. In Russian.

REFERENCES

Bahturina A. Yu. Diskussii ob obshchegosudarstvennom i mestnom zakonodatel'stve v otnoshenii Velikogo knyazhestva Finlyandskogo (1908–1910 gg.) [Discussions about the national and local legislation regarding the Grand Duchy of Finland (1908–1910)] // *Vestnik RGGU*. 2017. № 8. Pp. 31–48. In Russian.

Vospominaniya generala V.A. Al'ftana (1862–1931 gg.). Semejnyj arhiv Henrika Al'ftana (Hel'sinki) [Memoirs of General V.A. Alftan (1862–1931). Family archive of Henrik Alftan (Helsinki)]. In Russian.

Golos [The Voice]. 29 oktyabrya (10 noyabrya) 1879 g. №299. P. 1. In Russian.

Grebenkin A. N. *Tradicii organizacii uchebno-vospitatel'noj i kul'turno-dosugovoj raboty v rossijskikh voenno-uchebnyh zavedeniyah (XVIII – nachalo XX v.)* [Traditions of organizing educational, cultural and leisure work in Russian military educational institutions (XVIII – early XX centuries)]. Novosibirsk, 2017. 182 p. In Russian.

Zagora M. G. *Velikoe knyazhestvo Finlyandskoe pri general-gubernatore N.V. Adlerberge (1866–1881)* [The Grand Duchy of Finland under Governor-General N.V. Adlerberg (1866–1881)]. Diss...k.i.n. M., 2020. 384 p. In Russian.

Karelin V., Rantala F. *Finlyandiya v zhizni i sud'be generala I. A. Hol'msena* [Finland in the life and fate of General I.A. Holmsen] // *Finlyandiya i Rossiya: Obrazy obshchego proshlogo*. Petrozavodsk, 2014. Pp. 67–86. In Russian.

Kashirin V. B. *Dozornye na Balkanah. Russkaya voennaya razvedka v stranah Balkanskogo poluostrova nakanune i v gody Pervoj mirovoj vojny* [Sentinels in the Balkans. Russian military intelligence in the countries of the Balkan Peninsula on the eve and during the First World War]. M., 2014. 629 p. In Russian.

Kolesnikov D. E. *Stanovlenie fennomanskogo dvizheniya v Velikom knyazhestve Finlyandskom (1810-e – nachalo 1860-h gg.)* [The formation of the Fennom movement in the Grand Duchy of Finland (1810s – early 1860s)]. Diss...k. i. n. M., 2021. 179 p. In Russian.

Meinander C. H. *Gustav Mannerheim. Aristokrat v sukonnom mundire* [Gustav Mannerheim. An aristocrat in a cloth uniform]. M., 2020. 321 p. In Russian.

Mannerheim K. G. *Memuary* [Memoirs]. M., 1999. 507 p. In Russian.

Petuhova A.P. *Russkoe nacional'noe dvizhenie i finlyandskij vopros vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka* [The Russian national movement and the Finnish question in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Diss...k. i. n. M., 2022. 332 p. In Russian.

Polvinen T. *Derzhava i okraina. N. I. Bobrikov – general-gubernator Finlyandii, 1898–1904 gg.* [Power and borderland. N. I. Bobrikov – Governor General of Finland, 1898–1904.]. SPb., 1997. 318 p. In Russian.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (PSZRI). [Full Collection of Laws of the Russian Empire]. Soobranie 2. T. XL. 1865. Otd. 1. SPb., 1867. № 41849; Otd. 2. SPb., 1867. Prilozheniya. Shtaty i tabeli. K № 41849. In Russian.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (PSZRI). [Full Collection of Laws of the Russian Empire]. Soobranie 3. T. XXII. Otd I. SPb., 1904. № 29936. S. 817. In Russian.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (PSZRI). [Full Collection of Laws of the Russian Empire]. Soobranie 3. T. XXIII. Otd I. SPb., 1905. №. 23282. S. 848. In Russian.

² The article was prepared with the support of the Russian Science Foundation, project No. 23-28-00321

Pohlebkin V. V. *SSSR–Finlyandiya. 260 let otnoshenij. 1713–1975* [USSR–Finland. 260 years of relationship. 1713–1975.]. M., 1975. 408 p. In Russian.

Roediger A. F. *Istoriya moej zhizni. Vospominaniya voennogo ministra* [Story of my life. Memoirs of the War Minister]. T.1. M., 1999. 574 p. In Russian.

Sbornik postanovlenij Velikogo Knyazhestva Finlyandskogo. 1865. [The Collection of resolutions of the Grand Duchy of Finland. 1865]. № 33. Pp. 1–4. In Russian.

Finlyandskij kadetskij korpus. 1812–1887. Istoricheskij ocherk [The Finnish Cadet Corps. 1812–1887. Historical essay]. Fridrihsgam, 1889. 130 p. In Russian.

Yussila O. *Velikoe knyazhestvo Finlyandskoe. 1809–1917* [the Grand Duchy of Finland. 1809–1917]. Hel'sinki, 2009. 844 p. In Russian.

Kadettikunta / Finnish Cadet and Officer Corps Association. URL: <https://kadettikunta.fi/kadettiupseeri/upseerikoulutuksen-historia/>. (Accessed 16/01/2024). In Finnish.

Screen J. E. O. *Keisarillinen Suomen kadettikoulu 1812–1903 Haminan kadetit koulussa ja maailmalla.* Helsinki, 2003. 383 p. In Finnish.

Screen, J. E. O. *The Finnish Cadet Corps as a Reflection of Finno-Russian Relations // Suomi ja Venäjä 1808–1809: Suomalais-venäläisissä historiantutkijoiden symposiumeissa Moskovassa vuonna 2007 ja Haminnassa vuonna 2009 pidetyt esitelmät.* Toim. A. Sakharov, T. Vihavainen. Renvall Institute Publications. Helsinki, 2010, pp. 174–182. In English.

Received 09.07.2023

Gребенкин Игорь Николаевич

Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher
Ryazan State University named after S. A. Yesenina
46, Svobody st., Ryazan, 390000, Russia
E-mail: grin17.66@mail.ru

Загора Марина Григоровна

Candidate of Sciences (History)
Junior Researcher
Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie Gory, GSP-1, Moscow, 119991, Russia
E-mail: zagora.m.g@hist.msu.ru